

служителей алтаря. Въ настоящее время препятствія эти устранены по истинѣ Царскою щедростію Вашего Императорскаго Величества, и Православная Русская Церковь благословляетъ и не престанетъ благословлять Имя Вашего Величества за возрожденіе питомникомъ духовнаго просвѣщенія.

Когда такимъ образомъ духовенство избавится отъ матеріальныхъ нуждъ и соединенныхъ съ ними житейскихъ заботъ, то несомнѣнно еще болѣе увеличитъ рвеніе на пользу общую. Уже въ настоящее время оно сознаетъ неотложную надобность участія своего во внутреннихъ своихъ дѣлахъ и въ нравственномъ образованіи народа; но конечно еще весьма многое предстоитъ ему сдѣлать въ этомъ отношеніи. По мѣрѣ усиленія этой самодѣтельности, будутъ оказываться и благотѣльные ея послѣдствія: врожденная глубокая религіозность русскаго народа утвердится сознательнымъ изученіемъ исповѣдуемой имъ святой вѣры, духовныя лица начнутъ съ болѣею увѣренностію рассчитывать на собственныя силы въ духовно-нравственной сферѣ ихъ обязанностей, и охранительное вліяніе Церкви предостережетъ общество отъ ложныхъ путей.

Наказанное неуваженіе праздничныхъ дней.

Въ іюнѣ сего года, въ одномъ домѣ встрѣтился я съ однимъ своимъ хорошимъ знакомымъ, не давно во-ротившимся изъ дальней его повѣздки. На вопросъ мой о состояніи хлѣбовъ, онъ отвѣчалъ, что во всю доро-гу видѣлъ отличныя хлѣба, и что поселяне не нара-дуются, смотря на нихъ, а иные затрудняются въ бу-душемъ помѣщеніи ихъ. На это я сказалъ: прежде

всего надобно бы имъ благодарить Бога за хорошей урожай хлѣба, а не затрудняться еще въ будущемъ помѣщеніи его, какъ бы считая его уже въ рукахъ своихъ. Ибо за грѣхи наши Господь въ одну минуту можетъ отнять все, чѣмъ мы владѣли или надѣялись владѣть. Да, батюшка, отвѣчалъ мой знакомый, это сущая правда: не хотите ли, я вамъ расскажу одинъ случай, доказывающій справедливость вашихъ словъ. Согласенъ, отвѣтилъ я. „Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія—рассказалъ мой знакомецъ,—дѣдомой, Елисей Савельичъ, царство ему небесное!—былъ бурмистромъ или, по нашему, вотчиннымъ старостой у своего помѣщика. Въ одинъ годъ помѣщикъ этотъ засѣялъ хлѣба десятинъ сотъ пять, и хлѣбъ уродился превосходный. Помѣщикъ, смотря на него, какъ говорится, не на радуется. Вотъ ужъ хлѣбъ начинаетъ поспѣвать. Разъ призываетъ къ себѣ помѣщикъ моего дѣдушку, да и говоритъ: „ну, Елисей, хлѣбъ у насъ нынѣ такъ хлѣбъ—изъ годовъ вонъ. Да почти ужъ и поспѣлъ.“ Точно, кормилецъ, отвѣчалъ дѣдушка, хлѣба вашей милости нынѣшнимъ годомъ отменно хороши: какъ-то Создатель велитъ убрать ихъ? „Гмъ!.. за уборкой дѣло не станетъ, помѣщикъ говоритъ, сдѣлаемъ помочь, да и подвалимъ весь хлѣбъ разомъ. Не правдали?“—Вѣстимо, батюшка, помощью лучше; а то своимъ народомъ такую область не скоро уберешь, а перестойтъ, будетъ сыпаться, а тамъ подоспѣтъ молотба на сѣмена, озимые посѣвы, сѣногосъ. „Такъ, такъ, староста, рѣшено: подвалить хлѣбъ помощью!“ Потомъ, помолчавъ немного, помѣщикъ говоритъ: „А знаешь ли, Елисей, что я придумалъ?“—Не знаю, батюшка!—„Какъ бы намъ эту помощь да устроить на

мои именины? Тутъ, знаешь ты, приѣзжаютъ ко мнѣ мои хорошіе сосѣди: Иванъ Михайлычъ, Кирилль Петровичъ, Кузьма Иванычъ и прочіе. Вотъ я съ ними въ поле-то къ вамъ и приѣхалъ бы, да тамъ же бы свои именины-то и справилъ; и—справилъ бы, знаешь ты старина, при этакомъ урожаѣ, на славу! А? какъ ты думаешь, староста, вѣдь я придумалъ для помочи время самое хорошее?“ Дѣдушка мой повѣсилъ голову, да и молчитъ. Помѣщикъ опять говоритъ: что? хорошъ, вѣдь, для помочи день-то выбралъ я, староста?“ Дѣдушка, почесавъ сѣдую свою голову, отвѣчаетъ: не совѣмъ, кормилецъ, хорошъ! Баринъ возразилъ: „а почему же?“ Илья-то великій, больно, говорятъ старики, грозень! „Вотъ, вздоръ какой“, закричалъ помѣщикъ! У васъ мужиковъ, Илья великій—грозень, и Михаилъ Архангель—грозень, и Георгій Побѣдоносецъ—грозень; вѣрно одинъ Николай Чудотворецъ—милостивъ. Вздоръ! На Ильинъ день быть помочи!“—Такъ-то такъ, батюшка Илья Иванычъ! А не надо бы на вашу то Ангель работать: больно, сказываютъ, грозень Илья великій! „Нѣтъ, нѣтъ, старина, возразилъ помѣщикъ, ты ужь дѣлай, что велятъ, а дѣт пустяковъ-то не думай. Да ты, староста, сдѣлай для моихъ именинъ помочь-то на славу, чтобы долго народъ не забылъ ее. Слушай: теперь до Ильина-то дня недѣли полторы есть: такъ ты сорокоушъ пять, шесть свари хорошей браги, печей десятокъ по больше испеки пиროговъ, десятка два зарѣжь барановъ, возми ведеръ десятокъ водки; да чтобы подвалить весь хлѣбъ безъ остатка, такъ ты оповѣсти и по сосѣднимъ то деревнямъ; скажи, что баринъ въ этотъ день будетъ именинникъ, самъ будетъ съ гостями въ полъ и угоститъ

«всѣхъ на славу. Понимаешь, старина!» — Какъ не понимать?, отвѣчаетъ мой дѣдушка. «Такъ теперь ступай же, старина, и готовься!» — заключилъ помѣщикъ. — «Слушаю, кормилецъ!» отвѣчалъ мой дѣдушка, и поплелся отъ барина, почесывая свою сѣдую голову.

Вотъ наступилъ и давно желанный для помѣщика Ильинъ день, — и день ясный ведрянный! Народъ и свой и чужой, захооченный господскимъ угощеніемъ, съ ранняго утра отсюду потянулся на барское поле; дѣдушка мой вывезъ туда же цѣлый обозъ печенаго и варенаго; для помѣщика своего съ гостями подъ тѣнію деревъ на сказанномъ мѣстѣ развилъ палатку; въ слѣдъ за тѣмъ выѣхала туда же и господская кухня съ полными кульками различныхъ винъ и наливокъ. Вотъ наконецъ выѣзжаетъ къ помочи съ гостями и самъ имянинникъ. «Неправда ли, говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ гостямъ, — что хлѣбъ у меня нынѣ великолѣпный? А къ большому моему благополучію весь хлѣбъ такой. Не угодно ли кому лично въ этомъ удостовѣриться?» — Въ слѣдъ за тѣмъ объѣхалъ помѣщикъ съ гостями своими поле; потомъ разставили по десятинамъ народъ, отдали приказъ начинать жнитво, — и лишь только нажали по нѣскольку сноповъ, откуда ни возмись туча, кажись и не большая; поднялась гроза, пошелъ дождь, за тѣмъ — градъ, да какой! по голубиному яйцу! да, такъ весь хлѣбъ, какъ говорится, лоскомъ и положилъ, забилъ въ грязь, да такъ уничтожилъ, что и сѣмянъ-то не собрали. Народъ, видя, что нечего больше дѣлать, пустился по домамъ; а помѣщикъ стоитъ ни живъ, ни мертвъ, только плечами пожимаетъ, руки ломаетъ, да вздыхаетъ; дѣдушка мой, видя такую бѣду великую, подошелъ къ нему, да и

говорить: вотъ, батюшка, Илья Иванычъ, неправду ли я вамъ говорилъ, что больно грозенъ Илья великій, что не надобно собирать помочи на твои, кормилецъ, имянины? „Теперь и я вѣрю, Савельичъ, что грозенъ Илья великій, говорить помѣщикъ; покуда живъ, этого не забуду, и другу не другу закажу работать на этотъ праздникъ!“—да съ тѣмъ и поѣхалъ съ гостями своими домой.

— Выслушавъ этотъ рассказъ своего знакомаго, я сказалъ: теперь видите сами, что за хорошій урожай надобно благодарить милосердаго Бога, но отнюдь не должно считать его своимъ, а и себя, и все, что есть у насъ, считать въ рудъ Божіей, и что Господь воленъ отнять у насъ все и всегда, когда прогнѣваемъ Его своими грѣхами, и въ доказательство сей истины не хотите ли я расскажу вамъ одинъ случай. Случай этотъ ясно показываетъ, что не только хлѣбъ, какъ говорится, стоящій на корню, но и свезенный въ гумно и даже обмолоченный, нельзя считать своимъ.

— Расскажите, батюшка, отвѣчаетъ мой знакомый.
— „Года съ три тому назадъ, говорю я, по случаю бездождя, жители одной изъ недалнихъ отсюда деревень вздумали помолиться о дождѣ; подняли изъ приходской церкви святаго иконы, пригласили священника, помолествовали прежде въ полѣ, потомъ вздумали помолествовать при одномъ колодцѣ и въ самой деревнѣ, пришли, начали служить молебень, а одинъ ихъ же обыватель, въ виду молебствія, сидитъ себѣ преспокойно у своей избы, да глазѣтъ. Кто-то изъ сосѣдей подошелъ къ нему, да и говорить: „Ты что Силычъ, не молишься?“ А что мнѣ молиться, Силычъ отвѣчаетъ, у меня лѣтъ на десять хватить еще иста-

раго хлѣба; молитесь, когда у васъ нѣтъ! Едва онъ кончилъ свою рѣчь, какъ вдругъ блеснула молнія (тучи на небѣ ужъ собирались), мгновенно зажгла его домъ, дворъ и на задахъ гумно, — и въ нѣсколько часовъ отъ всего стяжанія остались только кучи углей и груды пепла, — и такимъ образомъ тотъ, кто за полчаса предъ симъ хвалился достаткомъ хлѣба на десять лѣтъ, вдругъ лишился всего, сдѣлался всѣхъ бѣднѣе и и всѣхъ позорнѣе. А къ вѣщающему его въразумленію, отъ этой молніи и сгорѣлъ только онъ одинъ. Это передавалъ мнѣ вскорѣ потомъ самъ молебствовавшій въ деревнѣ той священникъ; слѣдовательно достовѣрность разсказа не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Такъ-то мой любезный, заключилъ я, обращаясь къ своему собесѣднику, никогда, ничего не должно считать своимъ, а все Божіимъ, и что однимъ только тщательнымъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ можно сдѣлаться достойными и вещественныхъ даровъ Господнихъ, не говоря уже о духовныхъ; въ противномъ случаѣ легко можно всего лишиться и все потерять, какъ и Господь говоритъ устами пророка Исаи: *аще хотите и послушаете Мене, благая земли снѣсте; аще же не хотите, ниже послушаете Мене, мечъ вы поястѣ.* (Ис. 1. 9).

Свящ. І. Палимпсестовъ.

О Т Ч Е Т Ъ

Саратовскаго Братства Святаго Креста за
186⁶/₇ годъ.

Празднуя нынѣ, 5 ноября 1867 года, годовщину открытія Братства Св. Креста, совѣтъ его долгомъ